

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»

2013. № 2 (3). С. 203–209

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 903.27(571.53)

Шишкино: итог многолетней работы*

Я. А. Шер

Аннотация. В рецензируемом двухтомнике приведены результаты исследований, начатых через 20 лет после первой сводной публикации Шишкинской писаницы А. П. Окладниковым. Главная заслуга авторов состоит в том, что они смогли впервые в России заинтересовать и привлечь к этой работе специалистов в области геоморфологии и геофизики. В целом, исключая палеолит, периодизация А. П. Окладникова подтверждается и уточняется, но результаты проведенных геоморфологических исследований стали новым словом. Можно уверенно поздравить авторов с успехом. Ряд высказанных в рецензии замечаний никак не снижает научного уровня труда авторов.

Ключевые слова: Байкальская Сибирь, Шишкино, древнее искусство, петроглифы.

В рецензируемом двухтомнике приведены результаты исследований, начатых через 20 лет после первой сводной публикации Шишкинской писаницы А. П. Окладниковым [Окладников, 1959]. Впервые писаницу осмотрел Г. Ф. Миллер в 1737 г., но не оценил их исторического значения. Почти через 200 лет, в 1929 г., их вновь открыл А. П. Окладников, когда вместе с М. Я. Черемных проводил раскопки неолитического могильника на окраине дер. Шишкино. Тогда же он снял несколько копий.

Некоторые из скопированных им изображений напоминали стиль палеолитических фигур европейской пещерной живописи. На этом основании А. П. Окладников датировал их эпохой верхнего палеолита. Его авторитет был очень велик, и другие авторы тоже считали эти рисунки палеолитическими. Изредка высказывались сомнения в достоверности такой датировки, но ни у кого не было объективных данных в пользу той или иной датировки.

До того, как за эту работу не взялись авторы рецензируемого труда, полного копирования Шишкинской писаницы не производилось. В 1980-е гг. начался масштабный проект Министерства культуры РФ по паспортизации археологических памятников. Петроглифы были включены в этот проект. Проверка состояния Шишкинской писаницы показала серьезные разрушения природного и антропогенного характера. О том, что памятник разрушается, А. П. Окладников писал еще в 1959 г. С тех пор ситуация только ухудшилась. В 1983 г. уже не удалось обнаружить некоторые опубликованные ранее изображения, и было принято решение о подготовке памятника к повторному копированию. Руководили исследованиями археологи, кандидаты исторических наук Лариса Владимировна Мельникова и Вадим Станиславович Нико-

* Рец. на кн.: Мельникова Л. В. Шишкинская писаница / Л. В. Мельникова, В. С. Николаев, Н. И. Демьянович. – Иркутск : ИЗК СО РАН, 2011–2012. Т. 1. – 426 с. ; Т. 2. – 288 с. : ил. 2 DVD.

лаев, а также специалист по инженерной геологии кандидат геолого-минералогических наук Нина Ивановна Демьянович (1937–2012 гг.).

В работах принимал участие автор нового метода копирования на микалентную бумагу В. Ф. Капелько. По существу, это модернизация метода А. В. Адрианова, но более точная и долговечная. Наряду с полным копированием, изучались различные техники нанесения наскальных изображений. Работы были сосредоточены в Центре по сохранению историко-культурного наследия (ЦСН) при Иркутском облисполкоме. К исследованиям были привлечены специалисты разных дисциплин из Геологического института РАН, Института земной коры СО РАН, Иркутского государственного университета, Иркутского государственного педагогического института и ЦСН, московские реставраторы из ГосНИИР, студенты иркутских вузов. Проводились консервационные, реставрационные и фотоработы с разной аппаратурой и материалами. За два с лишним десятилетия авторы перепробовали практически все способы фотофиксации. Экспериментируя, они нашли оптимальные режимы цифровой съемки и добились высокого качества иллюстраций. Реставраторы из ГосНИИР работали 5 лет и сделали много полезного: закрепили отслоения, заделали трещины, сняли надписи, сделанные масляной краской (они появляются снова). Подобные реставрационные работы тогда проводились впервые не только в СССР, но и в мире. Методики и реставрационные материалы разрабатывались «на ходу».

Авторы присоединились к давней инициативе местных энтузиастов и приложили много усилий для создания музея-заповедника «Шишкинская писаница». Тем самым была бы обеспечена постоянная охрана и консервация выдающегося памятника первобытной культуры. К сожалению, многолетняя борьба с бюрократией, начатая в 1948 г. и длившаяся более 60 лет (!), не привела к положительным результатам. Создать музей-заповедник так и не удалось. Тем временем вырубается лес, мелеет Верхняя Лена, по которой раньше ходили суда, проезжие автомобилисты с еще большей активностью пишут масляной краской по петроглифам свои автографы, а от вибрации, вызванной тяжелыми грузовиками, ускоренными темпами расшатывается и рушится скальный массив.

Основные результаты всей работы – 188 таблиц с копиями изображений и около 150 страниц текста словесных описаний – представлены в 1-м томе монографии. Это первичный материал, который фактически является главным источником научной информации, особенно для тех, кто обращается к памятнику со сравнительно-историческими целями. Авторы правы в том, что такие памятники «должны изучаться не по публикациям, а, что называется, «вживую» [Мельникова, Николаев, Демьянович, 2011, с. 42]. Но для первого знакомства с шишкинскими петроглифами это наиболее достоверные данные. Время идет, памятник разрушается, и со временем книга останется единственным документом.

Главная заслуга авторов состоит в том, что они смогли впервые в России заинтересовать и привлечь к этой работе специалистов в области геоморфологии и геофизики. Эти исследования под руководством Н. И. Демьянович оказались чрезвычайно полезными и открыли новое направление в изучении петроглифов. Изучалась геоморфология и физика скального массива. Получен ряд абсолютных дат погребенной почвы по ^{14}C . Эти результаты способство-

вали более глубокому пониманию последовательности создания изображений, а также помогали реставраторам подбирать материалы для своей работы.

В работе подробно показано влияние климатических изменений на рельефообразующие процессы, включая скальные массивы и окружающую их рыхлую почву берегов верхнего течения Лены. Приводятся максимальные, минимальные и средние значения температуры, влажности и солнечной радиации, необычно интенсивной в данной местности. Это главные природные факторы, воздействующие на процессы выветривания, в том числе и на образование пустынного загара на плоскостях с петроглифами. Определенное влияние на формирование скальных массивов оказывает и гидрологический режим, по которому тоже приводится много количественных показателей.

По результатам бурения скважин удалось воссоздать картину формирования склона, последовательность погребенных почв и получить образцы для их датировки по ^{14}C . В книге представлена цифровая модель рельефа скального массива [Мельникова, Николаев, Демьянович, 2012, с. 55]. Судя по датам погребенных почв (нижняя 6900 ± 300 л. н.), морфология склона резко изменилась от мощного тектонического толчка, и тогда открылась верхняя большая ровная плоскость. Плоскости с изображениями времени верхнего палеолита (по А. П. Окладникову) открылись не ранее 7 тыс. л. н. Следовательно, если и были более ранние, в том числе и палеолитические изображения, то вряд ли они могли сохраниться после землетрясения. Конечно, радиоуглерод не датирует сами изображения, но дает важную косвенную информацию об их относительной хронологии.

Полученные результаты были сопоставлены с периодизацией изображений, созданной А. П. Окладниковым. В целом, исключая палеолит, она подтверждается и уточняется, авторы не собирались ее опровергать. Но результаты проведенных геоморфологических исследований стали новым словом.

Сопоставив новые данные с петроглифами долин рек Ангары, Енисея, Томи, берегов Байкала и т. д., авторы приходят к весьма категоричному заключению: из сходных геоморфологических условий «следует, что на всей территории Сибири и Центральной Азии на открытых скальных обнажениях сохранение рисунков эпохи палеолита невозможно» [Мельникова, Николаев, Демьянович, 2012, с. 83]. Я бы не спешил с таким выводом. По крайней мере, предположение о возможной принадлежности к верхнему палеолиту редких архаичных петроглифов Алтая и Енисея с признаками стиля той эпохи сохраняется, но ни доказать, ни опровергнуть их возраст пока невозможно.

Датировки петроглифов эпохи неолита и ранней бронзы наряду с геоморфологическими данными опираются на материалы раскопок близлежащих могил. Время обнажения плоскости с изображениями – 7 тыс. л. н. По ^{14}C материалы из могил датируются той же эпохой: 6300 ± 50 (ГИН-4553); 7340 ± 120 (ГИН-6288); 6730 ± 80 (ГИН-6816) и 6520 ± 50 л. н. (ГИН-6755). Строго говоря, эти даты тоже косвенные, но намного более убедительные, чем чисто интуитивные. В целом они не противоречат хронологии А. П. Окладникова. Получается такая схема: китайская культура – 7–6 тыс. л. н., исаково-серовская культура – 5,2–4,5 тыс. л. н.; глазковская культура – 4,5–3,5 тыс. л. н. Эти выводы не противоречат датировкам петроглифов минусинской и ангарской традиций на Алтае и Енисее.

Самую многочисленную группу образуют петроглифы раннего, развитого и позднего средневековья [Мельникова, Николаев, Демьянович, 2012, с. 111–160]. Относительно этой группы и раньше не возникало сомнений, подобных тем, которые были связаны с датировками эпохи палеолита. Тем не менее авторы и здесь смогли внести свой вклад в уточнение хронологии. При раскопках городища Манхай по ^{14}C была получена дата слоя, в котором нашлись песчаниковые плитки с изображениями типа шишкинских – 1130±25 л. н. (ЛЕ-9609). Учитывая другие радиоуглеродные даты и связав данную группу петроглифов с курумчинской культурой, авторы определили временной интервал этой группы изображений VIII–IX вв. Датировки отдельных рисунков из этой группы у меня вызывают сомнения. Авторы ссылаются на мою давнюю идею об изобразительных «инвариантах». Речь идет об изображении пары лошадей на 1-м геоморфологическом участке [Мельникова, Николаев, Демьянович, 2011, табл. 17, 3–4; Мельникова, Николаев, Демьянович, 2012, рис. 126]. Если бы эти петроглифы встретились мне на Енисее, то там они были бы отнесены к таштыкскому стилю, т. е. лет на 300–400 раньше.

Авторы отмечают, что согласно геоморфологическим данным в IV–I тыс. до н. э., т. е. в эпоху неолита – бронзового века, «писаница имела протяженность около 1,5 км и иную морфологию склона» [Мельникова, Николаев, Демьянович, 2012, с. 207]. Конечно, это оговорка. Не писаница, а скальный массив имел протяженность около 1,5 км, а насколько он тогда был заполнен рисунками – не известно. Тем более что большая часть рисунков появилась позже. Но польза геоморфологических данных в том, что они позволяют предположить масштаб разрушений массива за эти тысячи лет. К настоящему времени древние плоскости, относящиеся к той эпохе, сохранились только в трех местах. Когда-то ступенчатый характер скального массива изменился и поэтому некоторые плоскости с изображениями в силу выветривания нижних ступеней теперь труднодоступны.

В 2009 г., благодаря любезному приглашению иркутских коллег (Г. И. Медведева и Е. Л. Липниной), мне удалось побывать на Шишкинской писанице. Разглядывая скальный массив, я вспоминал наши работы на берегах Енисея, где тоже, чтобы добраться до некоторых петроглифов, приходилось строить лестницы и пользоваться альпинистской страховкой. Создавать на этих плоскостях рисунки древним людям было просто невозможно. Прибрежные скальные массивы Енисея, сложенные девонским песчаником, находятся в очень похожей ситуации. Осадочная порода, блочная структура участков, горизонтальная слоистость и трещиноватость – все это под постоянным напором факторов выветривания постепенно разрушается так, что нижние блоки, образующие подобия ступеней, разрушаются раньше, а верхние как бы висят крутыми, вертикальными или в одном случае (Усть-Кулог) даже отрицательным склоном.

Обращаясь к проблеме семантики шишкинских петроглифов, авторы проявили большую научную смелость. Тема более чем сложная, требующая не столько широкой эрудиции, которой авторы вполне располагают, сколько определенных «ограничителей», не позволяющих выйти за пределы реальных

аналогий и ассоциаций при толковании смысла изображений. Этих ограничителей иногда не хватало А. П. Окладникову, крупному знатоку этнографии и фольклора народов Сибири. А. А. Формозов в книге [1969] отказался от специальной главы по семантическому анализу, хотя тоже не устоял от соблазна сравнений с египетскими «солнечными» ладьями.

Подробно проанализировав семантические интерпретации А. П. Окладникова отдельно по каждой эпохе, авторы дали его наблюдениям в целом высокую оценку [Мельникова, Николаев, Демьянович, 2012, с. 173], практически не подвергая их никакой критике. Затем они обращаются к объяснению символических предметов, найденных при раскопках могил эпохи неолита и ранней бронзы в непосредственной близости от писаницы [Мельникова, Николаев, Демьянович, 2012, с. 40, 174–206], и самих петроглифов [Мельникова, Николаев, Демьянович, 2012, с. 207–251]. То, что раскопки проводились не авторами, а их предшественниками, является осложняющим обстоятельством. Материалы раскопок собраны по изданиям 1950–1970-х гг. Их документация оставляет желать лучшего. Вообще при использовании непервичных материалов в результате исследования неизбежно попадают элементы интерпретации тех, кто вел раскопки.

При раскопках, кроме символических предметов (изделий из клыков животных, нефритовых дисков с отверстием в центре и бус), найдено несколько объемных и плоских изображений людей и зверей, сделанных из бивня и кости мамонта и из рога. Одно из них – неразделенная парная фигурка типа сямских близнецов, по-видимому пряжка. Роговой стержень с головой нерпы, фигурки медведей, рыб и головы лосей.

Этим изделиям мелкой пластики и символическим предметам сопоставляются различные мифологемы: «возрождение», «плодовитость», «начало», «цикличность жизни», бинарные оппозиции «свет – тьма», «жизнь – смерть» и т. п. Не очень ясна внутренняя логика и обоснованность подобных сопоставлений. Всякая интерпретация содержит элементы интуитивных представлений, т. е. недоказуемых. Я не считаю их произвольными, но всегда считал необходимым рассматривать разные «версии» и выбирать из них наименее противоречивую или учитывать амбивалентность архетипов, свойственную любому изобразительному искусству и мифологии. Например, пара неразделенных человеческих фигурок. Ее можно трактовать и как стилизованную пряжку, и как символ близнеца мифа, имеющего несколько смыслов, включая и плодородие.

В разделах о семантике использован удачный прием визуализации, который позволяет проследить рассуждения авторов о расположении петроглифов. Силуэты рассматриваемых изображений проецируются в верхней части цветного фото. Обращаясь к объяснению смысла сохранившихся петроглифов, авторы исходят из концепции бинарных оппозиций в том виде, как они ее понимают. Любая интерпретация древних изображений – дело во многом субъективное и плохо поддающееся верификации. Каждый автор исходит из своих соображений, знаний и общих представлений о роли доказательства в гуманитарной науке. Обычно мы занимаемся поиском обоснований своих интуитивных догадок. Но чаще всего суждение строится по принципу «я так считаю».

Осознавая зыбкость таких построений, специалисты по первобытному искусству во всем мире ищут какие-то прочные основания для своих рассуждений [Laming-Emperaire, 1962; Leroi-Gourhan, 1983, p. 76; Lewis-Williams, 2004]. С одной стороны, авторы привлекли в качестве основы для интерпретации смысла петроглифов эпох неолита и бронзы и символические предметы, найденные при раскопках, и теорию бинарных оппозиций. Но с другой, все же остается неясным, насколько обоснованы их объяснения и выводы. Это не упрек авторам, а отражение реальной ситуации с истолкованием древних изображений дописьменных эпох. Вместе с тем не следует считать, что достоверное или, точнее, правдоподобное «прочтение» их смысла по каким-то определенным правилам вообще невозможно. Во всяком случае, некоторые теоретические обоснования для таких правил можно найти [Шер, 2006, с. 189–222].

Абсолютно достоверная интерпретация древних изображений практически невозможна, если они не сопровождаются надписями и иными дополнительными данными. При изучении изображений, относящихся к дописьменным культурам, речь может идти лишь о стремлении к максимально правдоподобному и непротиворечивому объяснению. К петроглифам более поздних эпох это относится в меньшей мере. А. П. Окладников активно использовал фольклор и этнографию сибирских аборигенов (правда, якутов нельзя считать аборигенами), и авторы двухтомника не спорят с ним.

Серьезным препятствием к такому исследованию почти всегда будет подход к композициям, т. е. к многофигурным панно, как к единому изобразительному тексту, поскольку часто бывает невозможно доказать, что несколько фигур на одной плоскости сделаны одновременно и между ними есть логические связи.

Известный знаток археологии и этнографии Сибири В. Н. Чернецов писал: «Если трудно бывает расшифровать письменность на неизвестном языке, то еще труднее проникнуть в содержание и смысл наскальных изображений, в которых роль индивидуального творчества и случайности несоизмеримо выше, чем в самой примитивной письменности» [Чернецов, 1964, с. 5]. Дополнительно можно отметить, что проблема смысловой реконструкции в применении к изобразительным памятникам – это еще и проблема перевода с языка зрительных образов на естественный язык. Даже когда нам заведомо известно, что хотел сказать художник (например, при пересказе смысла современной сюжетной картины), при таком переводе происходят невосполнимые потери в силу разной природы образного и словесного языков. Еще более весомыми будут эти потери при попытках раскрыть смысл изображений, сделанных тысячи лет тому назад. В итоге можно сказать, что смысловое прочтение древних изображений представляет собой нечто среднее между строго научной дешифровкой и догадкой. При этом на разных этапах исследования значение того или иного подхода меняется.

В целом рассмотренный двухтомник представляет собой значительный вклад в изучение не только Шишкинской писаницы, но и в изучение петроглифов всей Сибири. Поставлена точка в спорах о палеолитических изображениях Шишкина. При этом не только в связи с обнаружением не замеченных А. П. Окладниковым и вообще едва заметных «подстилающих» изображений, но и, что важнее, на основании обстоятельных геоморфологических исследо-

ваний с новыми датами по ¹⁴C. Уточнены изображения эпохи неолита, хотя место для споров еще остается. К бронзовому веку отнесен целый ряд многофигурных композиций. Из общего количества средневековых петроглифов выделена раннесредневековая группа. И возможно, что в ней спрятана еще более ранняя (условно – таштыкская) группа первых веков нашей эры.

В завершение хочется поздравить авторов с большим успехом. Те замечания, которые были высказаны, никак не снижают научного уровня их труда. Работа трудная, не вполне благодарная, но коллеги и потомки оценят ее сполна.

Список литературы

Мельникова Л. В. Шишкинская писаница. Т. 1. История и методика изучения, проблемы музеефикации, описание петроглифов / Л. В. Мельникова, В. С. Николаев, Н. И. Демьянович. – Иркутск : ИЗК СО РАН. – Иркутск, 2011. – 426 с.

Мельникова Л. В. Шишкинская писаница. Т. 2. Природные условия формирования плоскостей, основные сюжеты и датировка, семантика древних образов и объекта в целом / Л. В. Мельникова, В. С. Николаев, Н. И. Демьянович. – Иркутск : ИЗК СО РАН, 2012. – 288 с.

Окладников А. П. Шишкинские писаницы – памятник древней культуры Прибайкалья / А. П. Окладников. – Иркутск, 1959. – 210 с.

Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству / А. А. Формозов. – М. : Наука, 1969. – 255 с.

Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. Ч. 1 / В. Н. Чернецов. – М. : Наука, 1964. – 148 с.

Шер Я. А. Первобытное искусство / Я. А. Шер. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2006. – 350 с.

Laming-Emperaire A. La signification de l'art rupestre paléolithique / A. Laming-Emperaire. – Paris : Picard., 1962. – 424 p.

Leroi-Gourhan A. Les Religions de la Préhistoire / A. Leroi-Gourhan. – Paris : Presses universitaires de France, 1964. – 156 p.

Lewis-Williams D. The Mind in the Cave. Consciousness and the Origin of Art / D. Lewis-Williams. – London : Thames & Hudson, 2002. – 320 p.

Lewis-Williams D. Conceiving God: The Cognitive Origin and Evolution of Religion / D. Lewis-Williams. – London : Thames & Hudson, 2010. – 320 p.

Shishkino: Result of Long-term Work

Y. A. Sher

Abstract. The two-volume work presents the results of the studies which began 20 years after the first summary publication of Shishkin petroglyph by A. P. Okladnikov. The main merit of the authors is that for the first time in the Russia they were able to interest and to involve the specialists of geomorphology and geophysics into this work. Totally, excluding Paleolithic, the Okladnikov periodization is confirmed and refined, but the results of geomorphological studies became a novelty. We can surely congratulate the authors with the success. A number of comments made in the review does not reduce the scientific level of the authors' work.

Key words: Baikal Siberia, Shishkino, ancient art, petroglyphs.

Шер Яков Абрамович

доктор исторических наук, профессор
г. Москва, sheryakov@mail.ru

Sher Yakov Abramovich

Doctor of Historical Sciences, Professor
Moscow, sheryakov@mail.ru